

В. А. Васильченко¹**МОДЕРНИЗАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ РОССИИ**

Феномен современности невозможно описать исключительно в терминах политической модернизации, он далеко не исчерпывается созданием определенных политических институтов. Данная категория имеет культурно-цивилизационную смысловую «начинку». Действительно, поскольку «в основе гражданского общества лежит представление о высшей ценности личности как гражданина независимо от его принадлежности к той или иной племенной, национальной группе, религии и так далее», то, как отмечает А. С. Ахиезер, «гражданское общество и правовое государство являются разными определениями общества либеральной суперцивилизации»². Модернизация, таким образом, может восприниматься в качестве маркера, очерчивающего социокультурные контуры западной цивилизации.

Россия оказалась вовлечена в макропроцессы перехода от традиционного общества к обществу модерна как минимум с конца XVII — начала XVIII века. Казалось бы, ее принадлежность к кругу государств западного типа, к западной цивилизации должна полагаться несомненной. Однако трудность протекания модернизационных реформ на российской почве, их незавершенный характер и иные подобные факты не только противятся прямолинейным экстраполяциям, но и провоцируют альтернативные выводы относительно места России в мировой системе цивилизаций, содержащие претензии на национальную самобытность и особую историческую миссию. По справедливому замечанию В. В. Межуева, «стремление представить Россию в качестве особой цивилизации во многом диктуется очевидной неудачей проводимой по рецептам западной науки экономической реформы»³. Модернизация может носить эндогенный характер, развертываться как реализация обществом собственных социокультурных потенциалов либо же быть экзогенной, осуществляться под воздействием внешних, сторонних импульсов путем механического заимствования и внедрения отдельных новаций и при отсутствии собственных оснований для

развития. История западной цивилизации является важной составной частью глобальных процессов эволюции человечества в целом, поскольку начиная с эпохи Нового времени культурные инфлюэнции Запада так или иначе приобретают универсальную значимость. В данном контексте российская модернизация рассматривается рядом авторов как имеющая вынужденный, индуцированный европейской культурной модой характер, как «болезнь европейничанья»⁴, искривляющая естественное, органическое течение российской истории.

С такой точкой зрения трудно согласиться. Умозаключения историческое облика должны быть соразмерны не конкретно-историческим обстоятельствам, а согласованы прежде всего с общим направлением развития социокультурной системы. Факт последовательного падения в России родового членения общества и сословного строя может быть удовлетворительным образом разъяснен только исходя из представлений о наличии глубинных внутренних мотивов к модернизационной трансформации. Появление на политической карте мира таких государств, как Российская империя и Советский Союз, было явно стимулировано этим автономным процессом и вместе с тем закрепляло его результаты. Ни одна цивилизация Азии не «объевропеивалась» при геополитических обстоятельствах, подобных тем, которые сопутствовали России на переломе XVII–XVIII и XIX–XX веков. При строго генетическом подходе к изучению социокультурной эволюции России мысль об экзогенном характере российской модернизации должна быть квалифицирована как абсолютно произвольная.

Тем не менее, хотя Россия и вступила на путь модернизации, построение общества модерна завершено здесь не было, поскольку связанный с обрушением сословного строя резкий модернизационный рывок первой половины XX века не привел к образованию единой российской нации, формированию гражданской идентичности и правовой унификации. Данный факт при попытках поместить Россию в европейский цивилизационный кластер требует своего истолкования. На этом проблемном фоне представляется продуктивным обращение к предложенному В. Л. Цымбурским определению России как контекстно-связанного сообщества или цивилизации-спутника Запада⁵. Идея

¹ Доцент кафедры истории и философии науки Ставропольского государственного университета, кандидат философских наук. Автор 40 научных публикаций, в т. ч.: «Мнимый квиетизм скептической этики», «Традиции скептицизма в современной культуре», «Феномен самопровержимости скептического учения», «Скептицизм как элемент диалога культур Востока и Запада», «Жоан и троп: симметрия метафоры», «Буддизм махаяны и скептическое мировоззрение» и др.

² Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. Новосибирск, 1997. С. 739.

³ Межуев В. В. Россия как культурная альтернатива современной цивилизации // Российская цивилизация (этнокультурные и духовные аспекты). М., 1998. С. 50.

⁴ Орлова И. Б. Евразийская цивилизация. Социально-историческая ретроспектива и перспектива. М., 1998. С. 77.

⁵ Цымбурский В. Л. Сколько цивилизаций? (С Ламанским, Шпенглером и Тойнби над глобусом XXI века) // Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М., 2007. С. 133–156.

«цивилизации-спутника» фокусирует внимание на том моменте, что Россия развивается хотя и в европейском цивилизационном пространстве, но на его периферии, там, куда волны культурных новаций доходят с опозданием и где эти новации «наслаиваются» на собственный, автономный модернизационный ход, порождая сложные интерференционные эффекты. Проблема политической и экономической отсталости России, несхожести ее цивилизационного габитуса с европейским есть проблема несовпадения хронологической стратификации этих двух родственных в своей основе социокультурных систем. Переход от традиционности к современности Россия совершает, как бы находясь в гравитационном поле уже модернизовавшегося Запада, подгоняя текущие модернизационные реформы под готовые европейские, но еще не актуальные для самой России схемы.

С помощью этого методологического инструментария и понятийного словаря может быть описана современная политическая ситуация в России, равно как и приблизительно обозначены перспективы модернизационной перестройки российского общества. Сейчас на шкале исторической эволюции для России наступает время создавать единую российскую политическую нацию и выработать полноценный институт гражданства как устанавливающий для лица политико-правовую связь с государством и формально отображающий национальную идентичность. Но эта ясная картина развития «смазывается» мощной культурной суггестией стран Западной Европы, вступивших в эпоху постмодерна со свойственным ей разрушени-

ем любых форм коллективных идентичностей, включая национальные. Если в обществе модерна политико-правовой статус лица определяется принадлежностью к единой нации и закрепляется гражданством, то в обществе постмодерна он обуславливается простой биологической принадлежностью к роду *Homo sapiens*. На смену гражданину приходит потребитель, национальная (гражданская), этническая, религиозная и тому подобная идентификация которого никакого политико-правового значения не имеет. Гражданство постепенно превращается в формальность, границы между государствами стираются, нации исчезают.

Преобразование, перерастание современности в постсовременность, разумеется, далеко еще не завершено. Западное общество на сегодняшний момент «преживает в транзитной ситуации, возникают элементы новой, постсовременной конструкции, однако реалии эпохи модернити также соприкасаются на исторической сцене»¹. Европейские страны как бы «зависли» между модерном и постмодерном, между национальной идентификацией и общечеловеческой. Тем не менее европейский мультикультурализм оказывает могучее воздействие на процессы формирования в России гражданской нации, придавая им зачастую болезненный, маргинальный вид. Переход России от традиционного общества к современному, однако, неизбежен (как неизбежен он для любого европейского государства), поскольку соответствует объективным закономерностям исторического процесса и не зависит от наличных проектов развития основ общественной интеграции и конструирования идентичности.

¹ Неклесса А. И. Локомотив постмодерна, или «Территория тьмы» // Россия XXI. 2006. № 2. С. 39.